



Цикл «Губернский детективъ»



Происшествие
в городе Т.

Кроваво-красные
бисквиты

След механической
обезьяны



След механической обезьяны



МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б89

Редактор серии *Anastasija Osmirina*

Оформление серии *Ekateriny Petrowoy*

Иллюстрация *Nictorian*

Дизайн обложки *Radja Fakhruddinova*

Брусилов, Лев.

Б89 След механической обезьяны / Лев Брусилов. –
Москва : Эксмо, 2024. – 448 с.

ISBN 978-5-04-209360-9

В Татаяре вместе с хорошей погодой установилось за-тишье, ни преступлений, ни происшествий. Но однажды к заскучавшему полковнику фон Шпинне обращается фабрикант Протасов, первый татаярский миллионер. По его словам, в доме происходит чертовщина: якобы механическая игрушка, обезьяна в человеческий рост, которая умеет ходить и говорить, сама выбирается из чулана и бродит по дому. Миллионер боится, что рано или поздно она кого-нибудь убьет, и просит Фому Фомича погостить у него несколько дней...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-209360-9

© Брусилов Л., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ



Глава 1. Неожиданное предложение	7
Глава 2. Четырнадцать подозреваемых	22
Глава 3. Ужин в доме фабриканта	32
Глава 4. Скора	43
Глава 5. Запертая комната	50
Глава 6. Обезьяна	58
Глава 7. Беседа фон Шпинне с Сергеем	66
Глава 8. Дядя Евсей	74
Глава 9. Предположение дяди Евселя	85
Глава 10. Странный разговор	93
Глава 11. Беспокойная ночь в доме Протасовых	99
Глава 12. Разоблачение приживалок	110
Глава 13. Убийство	117
Глава 14. Волжанкин, Алтуфьев и фон Шпинне	126
Глава 15. Появление Кочкина	132
Глава 16. «Детские радости»	139
Глава 17. Рабочий Самсонов	147
Глава 18. Беседа с Новоароновским	153
Глава 19. Комната с призраком	164
Глава 20. Размышления после беседы с приказчиком ..	173
Глава 21. Слежка за Новоароновским	181
Глава 22. Семенов	189

Глава 23. Семенов оправдывает возложенные на него надежды	197
Глава 24. Свой человек в доме Протасовых	207
Глава 25. Вторая поездка фон Шпинне в Берлин	215
Глава 26. Официант Том	223
Глава 27. Париж	233
Глава 28. Инспектор Жарди	244
Глава 29. Возвращение фон Шпинне	256
Глава 30. Разговор со следователем	262
Глава 31. Признание Суркова	269
Глава 32. Губернатор дает согласие	279
Глава 33. Чердак окружного суда	287
Глава 34. Начальник сыскной делает очередной ход	295
Глава 35. Ночь перед разговором с Алтуфьевым	307
Глава 36. Никита Протасов	319
Глава 37. Беседа с Николаем Протасовым	329
Глава 38. Главный вопрос	341
Глава 39. Мессалина	344
Глава 40. Открываются новые обстоятельства	357
Глава 41. Беседа с Протасовым Сергеем	362
Глава 42. Признание Сергея	372
Глава 43. И снова Николай	378
Глава 44. Допросы продолжаются	383
Глава 45. Следующий после ночи допросов день	391
Глава 46. Допрос Руфины Яковлевны	402
Глава 47. Резкий поворот	414
Глава 48. По следу механической обезьяны	422
Глава 49. Конец следам говорящей обезьяны	431



ГЛАВА 1

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ



Ранним утром 5 мая 1893 года огромный дом ситцепромышленника Протасова, прозванный в Татяре «замком», был разбужен очень громкими, переходящими в истерический визг детскими криками. Доносились они с хозяйской половины и слышны были даже в лакейском полуподвале, несмотря на толстые, в два наката, дубовые перекрытия.

Вздрогнув, горничная Фотиния проснулась, оторвала от подушки кудлатую голову. Ее чуткое ухо уловило: крик принадлежит внуку фабриканта, десятилетнему Мише. Это было удивительно, ведь Фотиния знала мальчика как тихого и милого ребенка... «Стряслось что-то!» — подумала с ужасом. Часто и гулко забилось сердце. Быстро вскочила, размашисто вытерла липкие со сна губы. Путаясь, натянула поверх ночной рубахи суконное платье, на голову — белый крахмальный чепец. Вступила в холодные башмаки и выскочила из комнаты. Тут же ее едва не сбила с ног толпа прислуги, которая мчалась по темному коридору в сторону хозяйской

половины. В страхе быть затоптанной женщина прижалась к стене. Завывающим голосом, ни к кому не обращаясь, крикнула: «Что случилось-то?» Возле нее, ударившись о дверь, остановился Пашка Маврикин, выездной лакей. Глаза круглые, как у филина, волосы всклокочены, дышит хрипло, с натугой. Пророрал затхло и кисло прямо в ухо: «Да опять, видать, чудище это из чулана выбралось...»

Начальник губернской сыскной полиции барон Фома Фомич фон Шпинне сидел в своем служебном кабинете на улице Пехотного капитана и со скучающим видом просматривал бумаги. Напольные часы в резном ореховом футляре показывали четверть девятого. С улицы сквозь неплотно прикрытие окна доносился грохот проезжающих мимо телег и крики из лавки зеленщика напротив. День только начинался. Он обещал быть солнечным и теплым. Однако хорошая погода совсем не радовала полковника фон Шпинне. В губернском городе Татаяре установилось долгое и утомительное зтишье — мертвая зыбь. Вот уже несколько недель от сыскных надзирателей с околотков приходили пустые сводки — ни одного происшествия. Вынужденное безделье разлагающим образом сказывалось на сыскной. Агенты ходили сонными и вялыми, как осенние мухи. Общее настроение передалось даже полицейским лошадям — кучер Касьян, огромный, разбойничьяго вида человек, жаловался, что они отказываются от ежедневной порции овса. Сам Фома Фомич с ужасом чувствовал, как к нему в душу заползает уныние. Чтобы не

дать ему восторжествовать и чем-нибудь себя занять, начальник сыскной с упорством кладоискателя рылся в старых уголовных делах. Так проходил день за днем... но не сегодня.

В дверь кабинета негромко постучали. Полковник поднял голову. В его зеленых глазах мелькнул слабый огонек надежды: а вдруг!

— Войдите, — сказал он скрипучим голосом и отложил в сторону стопку пожелтевших бумаг.

В кабинет боком втиснулся агент Свечкин, низкорослый, но очень широкий в плечах человек. «Вековой дежурный» — такое у него было прозвище. На изрытом оспой лице агента сияла улыбка. Это было хорошим знаком.

— Что тебе, братец? — с напускным равнодушием и усталостью в голосе спросил Фома Фомич.

— Тут это... К вам сам господин Протасов пожаловали, говорят, безотлагательное дело... — Слово «безотлагательное» Свечкин выговорил с трудом. Не давалась ему грамота, зато дежурный он был неплохой.

— Протасов — это который? — задумчиво спросил полковник. После его вопроса из коридора донеслось сухое, недовольное покашливание. Агент сконфуженно поджал губы, сделал шаг вперед и аккуратно затворил дверь. Затем, широко открыв глаза, отчего лоб сморщился, тихо сказал:

— Ну, как же? Савва Афиногенович Протасов — ситцепромышленник...

— Да? — Фома Фомич, сообразив наконец, о ком идет речь, и не пытался скрыть удивление. Он слы-

шал о первом татаярском миллионере, даже видел несколько раз старика издали, но вот познакомиться им не пришлось. Более того, полковник был уверен — такие люди, как Протасов, по сыскным не ходят, у них для этого есть посыльные. А тут на тебе, собственной персоной пожаловал! Значит, есть какая-то причина. Фон Шпинне, едва заметно улыбнувшись своим мыслям, откинулся на спинку стула. Вынул из кармана белоснежный носовой платок и с видом, точно это было сейчас самым важным делом, проптер крупный фамильный изумруд, сверкающий на безымянном пальце правой руки. После чего сказал:

— Ну что же, проси. — И, как бы разговаривая сам с собой, тихо добавил: — Может, в ситцах да миткалях ходить начнем! — Затем снова агенту: — Ну не стой, не стой! — Зашелкал пальцами. — Давай его сюда!

Фабрикант, сутулясь, вошел в кабинет начальника сыскной. Остановился у дверей. Высокий, кряжистый, с расчесанными на прямой пробор седыми волосами. Из-под темно-синего сюртука золотыми нитями поблескивал парчовый жилет. Пригладил белую окладистую бороду, пошарил глазами по углам в поисках иконы и, не найдя, просто перекрестился.

— Образа у вас в кабинете нету, а это нехорошо! — сказал назидательно. Голос хриплый, нутряной. «С таким вокалом на клиросе не попоешь!» — мелькнуло в голове полковника.

Гость представился:

— Протасов Савва Афиногенович, промышленник.
— Фома Фомич фон Шпинне, начальник сыскной полиции! — вставая, ответил любезностью на

любезность хозяин кабинета. — Проходите, присаживайтесь вот на любой из этих стульев.

Полковник внимательно следил за гостем, за тем, какой стул тот выберет, и это было не случайно. Фома Фомич давно с теми, кто приходил в его кабинет, вел незаметную со стороны игру. Вдоль глухой стены стояло несколько с виду совершенно одинаковых стульев, но это с виду. Один из них именовался «свидетельским», другой — «воровским», еще один — «разбойничьим», а последний был стулом «убийцы и душегуба». Протасов стоял перед стульями не больше секунды и выбрал стул «убийцы». Лицо фон Шпинне при этом не изменилось, может быть, чуть дрогнули уголки плотно стиснутых губ. Он продолжил:

— А что касаемо образа, так скажу вам честно: ему тут не место!

— Это почему же? — ставя стул возле стола полковника, спросил старик.

Глаза его смотрели на фон Шпинне с некоторой укоризной, словно говорили: «Много вы знаете, чему и где место...»

Подождав, пока гость сядет, начальник сыскной тоже сел и монотонно, словно читая проповедь, пояснил:

— В этой комнате в большинстве своем бывает всякое человеческое отребье: убийцы, насильники разные, просто люди злые, богохульные, и на икону они смотрят не всегда пристойно. У нас тут раньше висел образ, а потом одна бесноватая плонула на него! Вот мы и убрали. Но с разрешения владыки Филиона!

До этого строгое лицо промышленника смягчилось. Он мотнул головой и примирительно проговорил:

— Если так, то ладно!

Хотел еще что-то добавить, даже воздуха в грудь набрал, но передумал.

Начальник сыскной решил не толочь воду в ступе и сразу же выяснить, зачем пожаловал промышленник.

— Итак, Савва Афиногенович, я вас слушаю! Какое у вас ко мне дело? — И, не мигая, уставился прямо в глаза гостю. — Вы ведь пришли по делу?

После слов полковника Протасов вдруг как-то обмяк, смутился, уронил широкие плечи и даже будто бы уменьшился в размерах. Опустил глаза и, не поднимая их, задал неожиданный вопрос:

— Фома Фомич, а вы в Бога веруете?

— В Бога? — Фон Шпинне выпрямился. Правая бровь вопросительно изогнулась, в глазах — недоумение. Он много слышал о том, что русские купцы, в особенности из числа очень богатых, пускаются во всякого рода странности. Нередко этими странностями бывают всевозможные религиозные чудачества. Взять хотя бы того же Захарьяна, сатаниста, в особняке которого сейчас размещалась сыскная полиция. Поэтому вопрос не понравился полковнику. — А какое это, собственно, имеет отношение к делу? Вы ведь пришли говорить со мной не о религии?

Голос начальника сыскной зазвучал недовольно и хрустко, точно капустный лист попал на зубы.

— Верно, не о религии, — исподлобья глядя на Фому Фомича, тяжело вздохнул старик, — о дру-

гом... Просто не знаю, с чего начать... Как это вам все ловчее-то рассказать, чтобы вы, не дай бог, меня тут не засмеяли...

Промышленнику на бороду села черная муха, он согнал ее торопливым движением. С улицы доносились хриплая брань. На первом этаже сыскной кто-то бегал, громко стуча сапогами. Фон Шпинне, сверля Протасова глазами, проговорил:

— С начала, это всегда верно!

— Ну, слушайте! — Протасов тяжело вздохнул. — Я тут внуку на день рождения игрушку подарил... Но вы не спешите думать, что это все глупости...

— Я не думаю, продолжайте.

— Игрушка эта, большая механическая обезьяна, ростом с человека, заводная. У нее на спине есть такое специальное отверстие, куда вставляется ключ...

— И что она делает после завода?

— Ходит, улыбается, говорит человеческим голосом: «Протасов Миша, здравствуй!» Это внука так моего зовут. Еще обнимает тебя, — в подтверждение старик чуть приподнялся и обхватил себя руками за плечи, — вот так!

— Да это просто чудо какое-то! — холодно проговорил фон Шпинне. Про себя же разочарованно подумал: «Какого черта? Неужели старик пришел рассказывать мне об игрушке?»

— Я тоже так решил, когда первый раз ее увидел, — продолжил купец, — потом мне все объяснили. Оказалось, никакого чуда нет — это механика. Пружины скручиваются и двигают обезьяну.

— Но где вы ее нашли? Насколько мне известно, в наших магазинах ничего подобного не продается. В Санкт-Петербурге?

— Да ну! — вскинул бородой Протасов и зыркнул в сторону. — Берите выше. У немцев купил, в Берлине... — проговорил это, чуть понизив голос, словно сообщал секрет.

— Это из-за игрушки вы туда ездили?

— Да я из-за нее, — промышленник качнулся вперед, стул под ним опасно затрещал, — почитай, всю Европу исколесил. Мне бы, дураку, сразу в Берлин, а я в самые дальние края подался. Думал, чем дальше заберусь, тем больше всяких разностей... Это потом уже умные люди подсказали — к немцам езжай, там найдешь!

— Сразу видно, любите вы внука! — заметил фон Шпинне только для того, чтобы как-то поддержать разговор.

— Люблю, он моя надежда. — Промышленник расплылся в улыбке, обнажая крупные желтоватые зубы. Казалось даже, что темная, дубленая кожа лица просветлела и смягчилась. — Вот у меня шестеро детей: четыре сына и две дочки — и все дураки...

— Ну, так уж и все? — с сомнением проговорил Фома Фомич и приготовился слушать скучнейшую семейную повесть.

— Да! Стал бы я на своих-то детей наговоры наводить. Все дураки, дочки еще туда-сюда, а сыновья... — Промышленник разочарованно мотнул головой и шумно выдохнул. — А внука я люблю, он

смышленый растет. Хоть и вялый какой-то, но голова работает, мне про это и учителя говорят...

— Итак, вернемся к нашему делу. Подарили вы внуку игрушку, и что дальше?

— Да стали с ней странности происходить...

— Странности? — Начальник сыскной натянуто улыбнулся. Это все, на что он сейчас был способен. — Я, признаться, не совсем понимаю, при чем здесь сыскная полиция?

— А вот сейчас поймете. Стала эта обезьяна по ночам ходить...

— То есть как — ходить? — облокотился на стол фон Шпинне. В глазах вспыхнул огонек любопытства, ему стало интересно. Если старик ничего не привирает — история занятная.

— А вот так! Выбирается из чулана, куда мы ее определили, и бродит по коридорам. Все видели, — старик проговорил это шепотом, подавшись вперед и прижимая руки к груди.

— Но ведь этого не может быть! Прежде ее нужно завести, и только тогда она будет ходить. Может, в вашем доме есть какой-то шутник, и он ее заводит?

— Поначалу я тоже так думал и потому ключ спрятал...

— А сколько, позвольте вас спросить, к обезьяне прилагалось ключей?

— Один.

— Один, — повторил вслед за Протасовым полковник и задумался. Ему показалось странным, почему один ключ? Но он не стал заострять на этом внимание гостя и вернулся к прерванному разговору: